

Инвективная лексика в управленческом дискурсе в силовых ведомствах

О. В. Филимонов

*Военный университет имени князя Александра Невского МО Российской Федерации, Москва, Россия
ofilimonov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования инвективной лексики в ситуациях управленческого воздействия в силовых ведомствах. Результаты исследования подтвердили предположение, что инвективная лексика становится неотъемлемым фоном вербализованного управления, возникает привыкание к ней (сервилизация), либо встречная агрессия, потенциально приводящая к конфликту.

Ключевые слова: инвективная лексика, obscene лексика, брань, управление, управленческий дискурс, силовые ведомства, военная среда, оскорбления, социальный контроль

Для цитирования: Филимонов О. В. Инвективная лексика в управленческом дискурсе в силовых ведомствах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 4 (853). С. 154–161.

Original article

Invective Vocabulary in Managerial Discourse in Law Enforcement Agencies

Oleg V. Filimonov

*Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia
ofilimonov@yandex.ru*

Abstract. The article raises the problem of using invective vocabulary in situations of managerial influence in law enforcement agencies. Invective vocabulary becomes an integral background of verbalized management. The negative consequences of the rooting of this phenomenon are either habituation to it (servilization), or counter aggression, potentially leading to conflict.

Keywords: invective vocabulary, obscene vocabulary, swearing, management, managerial discourse, law enforcement agencies, military environment, insults, social control

For citation: Filimonov, O. V. (2023). Invective vocabulary in managerial discourse in law enforcement agencies. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 4(853), 153–161.

ВВЕДЕНИЕ

Повышение уровня доверия к органам власти – важная задача в контексте совершенствования государственного управления. Аспект проблемы соотносится с концепцией «Хорошего государственного управления» («Good Governance»), включающей, по мнению И. Понкина, «...системную совокупность формальных правил... и неформальных установлений... регулирующих поведение лиц и организаций, в соответствии с которой осуществляется управленческая деятельность» [Понкин, 2013, с. 41]. Первая совокупность реализуется посредством издания нормативных правовых актов и других документов, вторая – через создание и сохранение системы ценностей и убеждений, практической реализации корпоративных и социальных норм, этики управления. Важным в этом направлении является вербально-этическое сопровождение управленческих коммуникаций. Как отметил Д. Лихачев, «...вернейший способ узнать человека – его умственное развитие, его моральный облик, его характер – прислушаться к тому, как он говорит» [Лихачев, 2007].

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ

Любое вербальное обращение руководителя к подчиненному (подчиненным) по служебному поводу является официальным по форме и государственным по сути актом коммуникации. При этом законодательство запрещает употребление выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка (в том числе нецензурной брани) при использовании русского языка как государственного языка Российской Федерации¹. Но, несмотря на это, должностные лица, руководители, порой игнорируют общепринятые нормы поведения – в их речи отмечается чрезмерное использование инвективной лексики (от лат. *invectiva* (*oracio*) – *бранная речь*). Это происходит и потому, что на должностях часто «оказываются далеко не самые достойные, а “свои”, что существенно снижает интеллектуальный потенциал власти и качество принимаемых ею решений» [Юревич, 2017, с. 88]. Выдвижение на руководящие посты людей по профессионально-компетентным параметрам, без учета их морально-этических характеристик, связанных в том числе с уважением к личности подчиненных, ведет к росту используемых руководителями вербально-агрессивных форм коммуникации.

По мнению Ю. Прыткова, руководитель, неконтролируемо использующий в своей речи

инвективную лексику, всегда «...действует “на грани фола”, в “системе координат”, не вписывающейся в уставные нормы» [Прытков, 2022, с. 20]. Для подчиненных, смилившихся с такой «подачей» управленческой информации, либо принявших нецензурную лексику как приемлемую норму, подобная ситуация не вызовет когнитивного диссонанса; для лиц, не принимающих брань как норму, подобное псевдообращение может стать непреодолимым коммуникационным барьером.

Инвективная лексика, используемая руководителями, будь то обращение к адресату непосредственно или опосредованно, всегда «...содержит намерение обидеть или унижить участника коммуникативного акта» [Посиделова, 2016, с. 13]. Неуместные подшучивания, уничижительное, панибратское обращение, затрагивающее гендерную тематику, указание на противоположные (по мнению коммуникатора) гендерные роли в управленческой деятельности – различных ее формах (на совещаниях, строевых смотрах и т. д.) – всё это разрушает цель социального управления как создания условий для эффективного функционирования управляемой подсистемы.

Инвективная лексика, будучи девиантной по форме, по сути, все-таки является неотъемлемым традиционным фоном управления. По мнению Р. Мертон, «...девиации не обязательно дисфункциональны для социальной системы, а конформность не всегда функциональна» [Мертон, 2006, с. 234]. Как отметил В. Мокиенко, «...не всё бранное обценно и, наоборот, не всё обценное – бранно» [Мокиенко, 1994, с. 60]. Межличностные вертикально-ориентированные коммуникации в армии (других «силовых» структурах), с учетом специфики деятельности, всегда отличались жесткостью и категоричностью. Изменения дискурсивных практик между начальниками и подчиненными отстают от изменений во внешней по отношению к данному социальному институту среде, хотя прогресс в этой сфере все-таки присутствует.

Угрозой скорее является наиболее агрессивный вид инвективной лексики – обценная (от лат. *obscenus* – *непристойный, распутный, безнравственный*), которая всегда содержит в себе «...маркер нарушения коммуникативного акта», содействуя при этом «...вербализации негативных чувств, которые впоследствии модифицируются в оскорбление, обиду и унижение адресата» [Посиделова, 2016, с. 17]. С точки зрения исследователей, обценная лексика используется в определенных кругах, сопровождая состояние повышенного эмоционального возбуждения, соответственно, влияя на микроклимат в коллективах [Вишняков, Домрачева, Петров, 2019].

¹О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция).

В отличие от нецензурного, хоть и эмоционально окрашенного языка, брань, обращенная к личности или персонифицировано выделяемой группе, является оскорблением, «...которое выражается в отрицательной оценке виновным личности гражданина, подрывает репутацию последнего в глазах окружающих и наносит ущерб его самоуважению» [Сидорова, 2017, с. 28]. Подобное вербальное обращение фактически является разновидностью психического насилия, «ибо оно всегда направлено на уничтожение личности конкретного человека, причинение ему таким образом глубокой психической травмы» [там же].

Несмотря на достаточное количество источников, описывающих проблемы вербальной агрессии при совместной трудовой деятельности (например, А. Адамс изучала преследование (издевательство) на работе в форме вербального агрессивного поведения [Adams, 1992]), исследований, касающихся использования инвективной (обценной) лексики в военно-управленческом дискурсе, почти нет. Исключением можно назвать работу Э. Мишкурова [Мишкур, 2020], изучавшего употребление инвективов в риторике представителей стран – членов НАТО. Он отметил, что в публичном военном дискурсе акценты на оскорбление, уничтожение и высмеивание оппонента (адресного или безадресного, обобщенного – например, все руководство страны или военное ведомство) все чаще встречаются в речах указанных акторов. Эти высказывания происходят «...на уровне девиантно-профанного узуса с использованием инвективной, обценной лексики, оскорбительных паралингвистических средств и т. п.» [там же, с. 88]. Из практики крайне редкого употребления оскорбления, вызванного либо личной несдержанностью, либо невозможностью добиться желаемого результата вербальная агрессия стала переходить в дискурсивную норму даже в сфере публичного общения. В правоохранительной сфере изменение речевой культуры руководителей отмечал Д. Передня, изучая специфику коммуникативных практик в органах внутренних дел и динамику их изменений. При этом он обращал внимание (в зависимости от условий взаимодействий) на их неоднородность и селективность, например, минимизацию ненормативной лексики в условиях публичного общения или использования средств аудио- или видеотрансляции [Передня, 2022].

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение частоты и направленности употребления инвективной (обценной) лексики в процессе

групповых и индивидуальных управленческих коммуникаций; мы не ставим своей целью практики использования нецензурных выражений в межличностном общении вообще и содержательную сторону употребляемых обценных высказываний. Важно отделить использование инвективной лексики от адресной брани, имеющей признаки насмешки или оскорбления.

МЕТОДЫ И ГИПОТЕЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования был использован вторичный анализ данных, а также методы сбора первичных данных, такие как неформализованное интервью и включенное наблюдение: руководители, публично использующие ненормативную лексику в процессе управленческих коммуникаций, вряд ли позволили бы быть использованными в качестве наблюдаемого объекта.

В качестве гипотезы было выдвинуто предположение, что: во-первых, руководителями в практиках управленческих коммуникаций стала чрезмерно использоваться инвективная (обценная) лексика; во-вторых, среди ее видов (грубо-просторечной (бранной) лексики, лексики с отрицательной оценкой в презрительной модальности, просторечия, жаргона, сленга, вулгаризмов) увеличивается процент адресно-ориентированной обценной лексики; в-третьих, причиной первых двух предположений является то, что социальный контроль перестал выполнять функцию сдерживающего механизма употребления инвективной (обценной) лексики.

ПРОВЕРКА ГИПОТЕЗЫ

На современном этапе брань как фон и неотъемлемая часть коммуникативного дискурса имеет тенденции к снижению. Объективной причиной этому является уменьшение перечня профессий и снижений количества работников там, где нецензурная лексика является фоном общения. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, российские граждане стали реже использовать ненормативную лексику. Так, если в 2008 году еженедельно ненормативную лексику использовали 44 % участников опроса, то сегодня эта доля составляет 37 %, в том числе 18 % используют ее каждый день, а 19 % – несколько раз в неделю¹.

Однако в ряде профессий (в связи с особенностями профессиональной деятельности)

¹Великий и могучий: россияне о чистоте русского языка // ВЦИОМ (сайт). 2019. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikij-i-moguchij-rossiyanе-o-chistote-russkogo-yazyka>

в межличностном общении употребление «крепкого словца» не считается зазорным. Так, в современном социуме исследователи выделяют наравне с другими видами институционального дискурса (такими как массово-информационный, научный, дипломатический, деловой и др.) [Карасик, 2002] и *военный дискурс*¹. В глазах общественного мнения именно военные являются носителями «традиций» ненормативной лексики: известно шуточное выражение про разговорную практику в военной среде «Я матом не ругаюсь, я на нем разговариваю».

На чистоту языка влияют различные обстоятельства: социально-экономические, социализационные, поколенческие и др. Так, изменение *социально-экономической ситуации* в стране (рост безработицы, в том числе и латентной, вынужденная смена работы, снижение защитных возможностей в трудовых отношениях, отставание роста зарплаты от роста цен и т. п.) неминуемо повышает социально-психологическую напряженность и, как следствие, «градус» коммуникативного дискурса.

Ребенок, подросток погружаются в негативную практику вербального общения в период первичной социализации (семья, школа). Упрощение воспитания в семье и школе снижает их *социализирующую* функцию, не цементирует норму неприятия бранных слов. *Поколения* миллениалов и «Z» вследствие снижения традиционного социального контроля и массового распространения в социальных медиа «новояза» и обценной лексики вводят в привычку для себя ее употребление [Радаев, 2019]. Молодые люди, поступившие в ведомственные учебные заведения «силовых» структур, уже подготовлены к искаженным формам коммуникации, реагируют на них более спокойно и, в дальнейшем, усваивают их как норму. Ближе к выпуску частота употребления инвективной и даже обценной лексики увеличивается, становится фоновой. Немалую роль в адаптации к брани как форме повседневного бытия играют руководители обучающихся, в первую очередь офицеры курсантских подразделений (факультетов). Именно они выступают образцами поведения для большинства обучающихся, закладывают стереотипы межличностной коммуникации.

В одном из опросов курсантов военного вуза о причинах (обстоятельствах) употребления инвективной лексики респонденты давали следующие ответы: «для того, чтобы выразить сильные эмоции» (например, после первого прыжка с парашютом); «для понижения напряжения, чтобы заглушить боль» (например, во время полевых выходов); «чтобы продемонстрировать отсутствие

страха» (например, во время занятий на полигоне с применением военной техники). Но при этом почти не встречались объяснения «чтобы выразить свою злость», «оскорбить, унижить кого-то» [Инютина, Богдан, 2019, с. 149–150].

В другом опросе, касающемся употребления бранных слов среди курсантов Московского высшего общевойскового командного училища, респонденты отметили практически повсеместное их употребление, не выделяя отдельные периоды учебы или быта. При отрицательном отношении к использованию обценной лексики в присутствии пожилых людей или женщин 95 % респондентов ее оправдывают. Наиболее часто встречающиеся объяснения: «иначе военнослужащие не поймут, что им нужно сделать и с какой скоростью», «надо будет искать много слов, а тут можно все выразить одним-двумя словами». И как значимый довод: «именно благодаря использованию ненормативной лексики в качестве команды к действию мы выигрываем войны» [Калинина, Литинская, 2019, с. 61]. И если примерно 100 % общающихся официально соблюдают речевой этикет, то в неформальных ситуациях примерно такое же количество респондентов (92 %) уже допускают употребление сленга, более трети (36 %) – «воровской жаргон», 28 % – слова, близкие к обценной лексике» [Тюменева, 2014, с. 185].

В последующем в военном дискурсе из отдельных инвективных выражений в управленческих коммуникациях начинает складываться палитра разных коннотаций (когда одним и тем же словом можно дать оценку множеству действий, поступков, отношений), либо появляются новые, но понятные смыслы (коллокации). При этом, как отмечают исследователи, «...практически каждый участник управленческой коммуникации начинает понимать «...все нюансы, все ее прямые, контекстуальные и переносные смыслы» [Киенко, 2016, с. 132]. Так в практиках общения между руководителями и подчиненными появляется управленческий «новояз», впрочем, на первых порах не несущий адресно-акцентированных оскорблений.

Опрошенные респонденты отмечают рост употребления инвективной лексики – большинство отметили, что не помнят ни одного коллективного совещания без применения бранных слов, часто используемых не адресно, а для «связки слов». Но информанты отметили такую закономерность – вербальная агрессивность больше присуща руководителям, имеющих недавний боевой опыт (Сирийская Арабская Республика, Украина). Этому есть историческое объяснение – после Великой Отечественной войны также был отмечен рост использования командирами (начальниками) инвективной лексики. Брань стала неотъемлемым

¹Выделено нами. – О. Ф.

лексическим средством в процессе управленческих взаимодействий. Это стало возможным вследствие опыта управления в годы войны, когда стандартные (уставные) команды с последовательно излагаемыми задачами не могли отдаваться в связи с (порой) молниеносным изменением обстановки и необходимостью быть уверенным в том, что подчиненный принял и расшифровал команду управления в необходимое (как правило, очень короткое) время. И этот управленческий сигнал также сопровождался инвективной лексикой не персонифицированного характера, т. е. не имеющего целью оскорбить коммуникатора. В боевых условиях это может быть не только допустимо, но в отдельных случаях даже необходимо. Привыкнув к такому способу управленческого дискурса в экстремальных условиях, руководитель, особенно в отсутствии сдерживающих механизмов самоконтроля и социального контроля, продолжает использовать инвективную лексику и в обычных, небоевых ситуациях, не требующих эмоционально окрашенного вербального оформления.

В дальнейшем в связи с привычкой использования руководителями (командирами, начальниками) инвективной лексики она перестает казаться им инородным явлением. Подчиненные же, привыкнув к подобному бранному фону, при его отсутствии либо перестают реагировать на содержание вербально-управленческого сигнала, либо начинают считать руководителя не способным заставить работников (сотрудников) эффективно трудиться.

Культура речи сотрудников любых организаций, особенно если они являются руководителями, вносит существенный вклад в формирование имиджа организаций. Представители как внешней, так и внутренней общественности, особенно те из них, кто относится к более молодым поколениям, очень чутко реагируют на проявление различных форм грубости [Передня, Захаров, 2018]. Поэтому практика общения на основе инвективной лексики содержит в себе угрозу значительных имиджевых и репутационных потерь, что в условиях информационного общества может быть весьма критичным.

Еще одной проблемой, обеспечившей распространенность в управленческом дискурсе инвективной лексики, является привыкание к ней субъектов управления – воинских коллективов и индивидуумов. Результаты ряда исследований об отношении военнослужащих к бранным словам демонстрируют к ним терпимость, не считая употребление инвективной лексики нарушением прав личности [Суркова, 2015]. Правда, в описании полученных данных автор не уточнил, была ли применена подобная лексика безотносительно

личности респондента, либо адресно. В первом случае можно принять мнение, что ненормативная лексика «... выступает либо “для связки слов”, либо как “элемент воспитания, усиливающий эмоциональную нагрузку”» [там же, 2015, с. 136]; во втором – демонстрирует сформировавшуюся сервильность (раболепие) [Филимонов, 2022] – имеется в виду своеобразный «стокгольмский синдром», связывающий оскорбляющего и оскорбляемого. Перед последним фактически поставлен невидимый барьер, не позволяющий защитить свое достоинство от инвективной (обсценной) лексики руководителя. Имеющиеся формы защиты прав личности – обращения с жалобой на допустившего брань командира, начальника к вышестоящему руководству, либо в правоохранительные органы слабо реализуемы вследствие «малозначительности» (по мнению опрошенных) данной вербальной девиации. Сдерживающих дееспособных структур социального контроля над нормативно-этическими управленческими взаимоотношениями (этических комиссий, судов чести для военнослужащих, профсоюзов для гражданского персонала) либо нет, либо их деятельность максимально выхолощена. Всё зависит только от уровня этической социализированности руководителя. Как отметил В. Карасик, если образованный (и воспитанный) человек использует в своей речи нейтральные, высокие или сниженные (обычно пародируемые) фразеологизмы, то «... вульгарная языковая личность оперирует единственным средством выражения – жаргонной и обсценной обиходной речью» [Карасик, 2002, с. 16]. Но надеяться только на внутреннюю воспитанность руководителя дисфункционально – механизм отрицательного отбора «посадит» в социальный лифт карьеры такого руководителя, у которого практики управленческого дискурса совпадают с наиболее распространенными. Примером таковых, как показало наше наблюдение за руководителями разных звеньев, является всё более распространяющаяся инвективная лексика в самой деструктивной ее форме – адресно-акцентированной обсценной.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вышесказанное позволяет признать поднятую тему проблемой, потенциально нивелирующей усилия государства по общественному сплочению, особенно на современном этапе. Именно сейчас как никогда важна консолидация сил не только по «горизонтали», но и по вертикали, в ситуациях управленческих взаимодействий. Озвучиваемая руководителями страны идея об «очеловечивании» государственного управления может

натолкнуться на барьер ее реализации по известной поговорке «Жалует царь, да не жалует псарь». Негативными последствиями игнорирования этого фактора в данном случае являются пассивная (перевод либо увольнение со службы) либо активная (встречная агрессия или обращение с иском в суд за защитой) защита от оскорблений.

Как отметил В. В. Путин на заседании съезда Общества русской словесности, русский язык был и остается одной из духовных и исторических ценностей, и необходимо сделать всё, чтобы «...грамотная речь стала неотъемлемой частью жизни страны, по сути, правилом хорошего тона, чтобы это стало модным, чтобы об их сохранении и развитии заботилось все наше общество»¹. Мы никоим образом не хотели бы излишне «сгустить краски» о степени распространенности использования инвективной лексики в управленческом дискурсе. Традиции использования бранных слов не исчезают сами по себе; но этот процесс всё же происходит эволюционным

образом – посредством естественного кадрового обновления. Назрела, по мнению Г. Моски, «...необходимость проявления в государственном управлении новых черт, (когда) старые способности частично теряют свою значимость» [Москва, 1994, с. 195].

Технологией «ускорения» эволюционного процесса снижения в управленческом дискурсе инвективной лексики должно стать акцентированное обучение руководителей, находящихся в кадровом резерве, новым компетенциям вербальной этизации. Одной из таких компетенций обучения лидерству является контроль над вербальной агрессией в отношении подчиненных в форме инвективной (обсценной) лексики. Это вовсе не означает идеализированного представления о «рафинированности» дискурса в военной организации – нецензурная лексика не исчезла в межличностной коммуникации в силовых ведомствах. Речь идет о месте и тональности использования бранных слов, особенно в такой чувствительной сфере, как отношения руководителя – подчиненного. Руководителю важно понимать, как подчиненный относится к употреблению инвективной лексики вообще и в ситуациях управленческих коммуникаций в частности.

¹Владимир Путин принял участие в пленарном заседании съезда Общества русской словесности (26 мая 2016 года). Президент России (официальный сайт). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52007>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Понкин И. В. О понятии и концепте «хорошего управления» («Good governance») // Государственная служба. 2013. № 4 (84). С. 39–42.
2. Лихачев В. С. О языке устном и письменном, старом и новом // Новосибирский епархиальный вестник. 2007. № 2 (63). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52007>
3. Юревич А. В. Социально-психологические механизмы кадровой политики // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 6. С. 88–97.
4. Прытков Ю. А. Ненормативная лексика в воинской среде: причины ее живучести, способы преодоления // Современный взгляд на науку и образование: сборник научных статей / науч. ред. А. Х. Щечоева. М.: Перо, 2022. Т. XI. С. 17–21.
5. Посиделова В. В. Лингвистический и правовой аспекты инвективной лексики русского языка // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 13–17.
6. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ : АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006.
7. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика. Берлин, 1994. № 1/2. С. 50–73.
8. Вишняков А. В., Домрачева Е. В., Петров С. Б. Влияние обсценной лексики на психологический микроклимат в коллективе студентов-медиков и медицинских работников // Авиценна. 2019. № 52. С. 20–25.
9. Сидорова И. В. Оскорбление как разновидность психического насилия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 1 (68). С. 28–32.
10. Adams A. Bullying at Work. London: Virago Press Limited, 1992.
11. Мишуров Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105.
12. Передня Д. Г. Динамические аспекты управленческой культуры органов внутренних дел России: монография. М.: ИНФРА-М, 2022.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.
14. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2019.
15. Инютина Л. А., Богдан С. В. О речевой культуре курсантов высшего военного учебного заведения // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 2 (19). С. 147–152.

16. Калинина С. Б., Литинская Е. А. К проблеме использования ненормативной лексики в Российской армии // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 1 (18). С. 59–63.
17. Тюменева Н. П. Речевая культура курсантов вузов Федеральной службы исполнения наказаний // Человек: преступление и наказание. 2014. № 3 (86). С. 186–189.
18. Киенко Т. С. Ненормативная лексика как социальный феномен (анализ опроса жителей провинциального российского города) // Социологические исследования. 2016. № 5 (385). С. 124–133.
19. Передня Д. Г., Захаров Д. В. Имидж сотрудников полиции сквозь призму социальных ожиданий граждан // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 2. С. 141–149.
20. Суркова И. Ю. «Фасад» и «закулисы» военной профессии: социокультурный анализ // Социологические исследования. 2015. № 6 (374). С. 133–139.
21. Филимонов О. В. Проблема сервиллизма в бюрократических организациях как угроза национальной безопасности России // Академическая мысль. 2022. № 4 (21). С. 258–261.
22. Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты / пер. с англ. и примеч. Т. Н. Самсоновой // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187–198.

REFERENCES

1. Ponkin, I. V. (2013). On the concept and concept of «Good governance». Public Service, 4(84), 39–42. (In Russ.)
2. Lihachev V. S. (2007). O jazyke ustnom i pis'mennom, starom i novom = On language spoken and written, old and new. Novosibirskij eparhial'nyj vestnik, 2(63). URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/52007>
3. Yurevich, A. V. (2017). Socio-psychological mechanisms of personnel policy. Psychological Journal, 38, 6, 88–97. (In Russ.)
4. Prytkov, Yu. A. (2022). Profanity in the military environment: the reasons for its survivability, ways to overcome. Sovremennyy vzglyad na nauku i obrazovanie (pp. 17–21): Collection of scientific articles. Scientific editor A. H. Tsechoeva. Volume XI. M.: Publishing House «Pero». (In Russ.)
5. Posidelova, V. V. (2016). Linguistic and legal aspects of the invective vocabulary of the Russian language. Philosophy of Law, 2(75), 13–17. (In Russ.)
6. Merton, R. K. (2006). Social'naya teoriya i social'naya struktura = Social theory and social structure. Moscow: AST : AST MOSCOW : GUARDIAN. 873 p. (In Russ.)
7. Mokienko, V. M. (1994). Russkaya brannaya leksika: cenzurnoe i necenzurnoe = Russian swear words: censored and obscene. Rusistika, 1/2, 50–73. Berlin. (In Russ.)
8. Vishnyakov, A. V., Domracheva, E. V., Petrov, S. B. (2019). The influence of obscene vocabulary on the psychological microclimate in the team of medical students and medical workers. Avicenna, 52, 20–25. (In Russ.)
9. Sidorova, I. V. (2017). Insult as a kind of mental violence. Psychopedagogy in law enforcement agencies, 1(68), 28–32. (In Russ.)
10. Adams, A. (1992) Harassment at work. London: Virago Press Limited.
11. Mishkurov, E. N. (2020). Modern military-political discourse: nomination, functions, language deviation, transliteration. Bulletin of the Moscow University. Series 22: Theory of Translation, 2, 88–105. (In Russ.)
12. Perednya, D. G. (2022). Dinamicheskie aspekty upravlencheskoj kul'tury organov vnutrennih del Rossii = Dynamic aspects of the managerial culture of the internal affairs bodies of Russia: monograph. M.: INFRA-M. (In Russ.)
13. Karasik, V. (2002). YAzykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Change. (In Russ.)
14. Radaev, V. V. (2019). Millenialy. Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo. Moscow: National Research University «Higher School of Economics». (In Russ.)
15. Inyutina, L. A., Bogdan, S. V. (2019). On the speech culture of cadets of the higher military educational institution. Humanitarian problems of military affairs, 2(19), 147–152. (In Russ.)
16. Kalinina, S. B. Litinskaya, E. A. (2019). On the problem of using profanity in the Russian army. Humanitarian problems of military affairs, 1(18), 59–63. (In Russ.)
17. Tyumeneva, N. P. (2014). Speech culture of university cadets of the Federal Penitentiary Service. Man: crime and punishment, 3(86), 186–189. (In Russ.)
18. Kienko, T. S. (2016). Profanity as a social phenomenon (analysis of a survey of residents of a provincial Russian city). Sociological research, 5(385), 124–133. (In Russ.)
19. Perednya, D. G., Zakharov, D. V. (2018). The image of police officers through the prism of social expectations of citizens. Socio-humanitarian knowledge, 2, 141–149. (In Russ.)

20. Surkova, I. Yu. (2015). «Facade» and «behind the scenes» of the military profession: Sociocultural analysis. Sociological research, 6(374), 133–139. (In Russ.)
21. Filimonov, O. V. (2022). The problem of servility in bureaucratic organizations as a threat to the national security of Russia. Academic Thought, 4(21), 258–261. (In Russ.)
22. Mosca, G. (1994). Ruling class. Churches, parties, sects: trans. from English and note by T. N. Samsonova. Sociological Research, 10, 187–198. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Филимонов Олег Викторович

доктор социологических наук, доцент

профессор кафедры социологии Военного университета имени князя Александра Невского МО РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filimonov Oleg Viktorovich

Doctor of Sociology, Associate Professor

Professor of the Department of Sociology of the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

23.11.2023
27.11.2023
27.11.2023

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication